

Сообщения

УДК 39(=161.1)(091)(045)

В.В. Тихонов

В ПОИСКАХ КУРСКО-ОРЛОВСКОГО ДИАЛЕКТА ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ: ДИСКУССИЯ 1950 года ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

Статья посвящена анализу влияния языковедческой дискуссии 1950 г. и сталинских установок, сформулированных в ее ходе, на формирование концепта «древнерусская народность» в советской историографии эпохи «позднего сталинизма». Работа написана на основе опубликованных историографических источников с привлечением материалов фонда Института археологии АН СССР Архива РАН. Участие в дискуссии известных археологов и историков рассматривается через призму эволюции их статусной роли в научно-историческом сообществе. Показана особая роль Б. А. Рыбакова в попытках связать сталинское положение о курско-орловском диалекте, как основы русского языка с генезисом древнерусской народности. Анализируется дискуссия вокруг его доклада 1952 г. об этнических процессах на западной территории СССР в раннем средневековье. Несмотря на смерть И. В. Сталина, многие положения, сформулированные под воздействием его высказываний, стали частью советской концепции древнерусской народности.

Ключевые слова: советская историческая наука, древнерусская народность, сталинизм, языковедческая дискуссия.

Изучение древнейшей этнической истории традиционно связано, в том числе и из-за скудности источниковой базы, с сильным влиянием идеологических факторов. Это наглядно подтверждается историей формирования концепта «древнерусская народность». Самое непосредственное влияние на его генезис оказали идеологические процессы в СССР первого послевоенного десятилетия (1945–1955).

В 1950 г. научный мир сотрясла дискуссия по вопросам языкознания [2-4; 16; 21], приведшая к заметной перестройке концептуального облика советской исторической науки. В ходе дискуссии, рассуждая о роли диалектов, И. В. Сталин обронил фразу, ставшую головной болью для историков и археологов: «...Некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка» [13. С. 129].

Фраза Сталина о курско-орловском и полтавско-киевском диалектах, ставших якобы основой русского и украинского языков, ставила перед языковедами и археологами непростую задачу: обосновать это положение на конкретном материале. В тех исторических условиях автор наиболее «изящного» и «фундаментального» доказательства мог претендовать на лидерскую позицию в советской археологии.

После антикосмополитической кампании, разгрома марризма и «подавления» ленинградского «сепаратизма» в сообществе археологов сложилась непростая ситуация. В. И. Равдоникас и А. В. Арциховский были дискредитированы в ходе борьбы с объективизмом. Разгром марризма поставил под сомнение статус и амбиции А. П. Окладникова и А. Д. Удальцова. Последнего сняли с должности главного редактора «Вопросов истории». Антимарровская кампания больно ударила и по П. П. Ефименко, вынужденному перерабатывать свою монографию «Первобытное общество», полную марристских положений [14. С. 149]. Seriously пошатнулись позиции ленинградца М. А. Артамонова [17. С. 33-56].

Антимарровская кампания задела и М. А. Киселева, который, по мнению А. А. Формозова, «определял политику в археологии в 1945–1955 годах» [14. С. 82], что представляется нам преувеличенным, так как до полноценного лидерства М. А. Киселеву не доставало академического звания. Кроме того, волны разгрома марризма задела и его, поэтому безупречной его научную продукцию, с точки зрения идеологии текущего момента, назвать было нельзя.

То же можно сказать и о П. Н. Третьякове, который увлекся партийной и административной карьерой, хотя и получил в 1950 г. пост главного редактора «Вопросов истории». Другой «тяжело-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-31-01257 (a2).

вес», С. П. Толстов, возглавив Институт этнографии, все больше склонялся к этнографическим исследованиям, являясь официально главным (после Сталина, конечно) в этом направлении.

Таким образом, из «звезд» первой величины оставался относительно молодой Б. А. Рыбаков (1908–2001). После войны археолог «был в расцвете своего таланта... Молодой еще, энергичный и обаятельный, он был общим любимцем» [9. С. 243]. Для лидерства у него было все. В первую очередь – Сталинская премия (1949) за классическую работу «Ремесло Древней Руси». Б. А. Рыбакова поддерживал Б. Д. Греков. Недоставало только академического звания и крупного руководящего поста. В сложившихся условиях Б. А. Рыбаков наиболее активно начал разрабатывать схему генезиса древнерусской народности с учетом итогов языковедческой дискуссии.

Проблема древнерусской народности традиционно вызывала острый интерес в среде советских историков [15. С. 24–47; 19]. Но именно языковедческая дискуссия сыграла определяющую роль в интенсификации исследований в этом направлении [18. С. 39–40]. По мнению украинской исследовательницы Н. Н. Юсовой, фоном для изучения древнерусской народности оказался надвигающийся юбилей «воссоединения» Украины с Россией. Поэтому легитимация термина «древнерусская народность» как колыбели русских, украинцев и белорусов, приобретала мощное политическое звучание [18. С. 40].

Первоначально инициативу хотел захватить ленинградский историк В. В. Мавродин. Именно он впервые применил термин «народность» [20. С. 97]. Его статья, посвященная этническому развитию русского народа, появилась еще до событий на «языковедческом фронте» и являлась частью дискуссии о периодизации русской истории [6. С. 55–70]. Новая дискуссия могла укрепить пошатнувшееся после идеологических кампаний конца 1940-х гг. положение историка, когда он вынужденно покинул пост декана исторического факультета ЛГУ.

Мавродин подготовил доклад, первоначально представленный 11 ноября 1950 г. на заседании кафедры истории СССР исторического факультета ЛГУ 1–2 февраля 1951 г. [20. С. 93]. Он выступил с чуть скорректированным докладом на заседании сектора истории СССР до XIX в. Института истории. Во встрече участвовали не только сотрудники сектора, но и приглашенные лингвисты. Основные идеи доклада заключались в следующем. Историк относил появление древнерусской народности к VIII–IX вв. и связывал с распадом первобытнообщинного строя и развитием феодальных отношений. Данные процессы привели к образованию Древнерусского государства с общим государственным языком [5. С. 137]. С конца XI – начала XII в. в условиях феодальной раздробленности начался «государственный» распад древнерусской народности, решающую роль в котором сыграло татаро-монгольское нашествие. Развитие производительных сил на северо-востоке и северо-западе Руси, наблюдавшееся в XIV–XV вв., привело к формированию централизованного государства, ставшего основой великорусской народности. Мавродин подчеркивал качественное отличие великорусской народности, обусловленное более высоким, в сравнении с древнерусской, уровнем развития производительных сил.

Касаясь вопроса о языке, ученый нарисовал следующую схему: «Образование русской народности происходило на древней территории кривичей, ильменских словен, вятичей и северян. Ведущая роль в формировании великорусской речи принадлежала среднерусским диалектам, хотя определенную роль сыграли также диалекты северорусские и диалекты населения северской земли, близкие к южнорусским и среднерусским диалектам» [5. С. 137]. Итак, основу новой народности составили носители среднерусских диалектов, что прямо противоречило сталинским рассуждениям о курско-орловском диалекте.

В заключение он выразил мысль о том, что русская нация (которая рассматривается как следующая ступень после народности) сформировалась к XVII в.: «С образованием национального рынка русская народность развилась в русскую нацию, а язык русской народности, в основу которого лег курско-орловский диалект, – в национальный русский язык» [5. С. 137], – утверждал В. В. Мавродин. Так он попытался развести тезисы о среднерусских диалектах, как основе великорусской народности, и курско-орловский диалект (который относится к южнорусским) как фундамент русской нации. Однако попытка включить собственные суждения в проблему и одновременно примирить их с «открытиями» Сталина оказалась неудачной.

Концепция докладчика вызвала шквал критики: А. А. Новосельский, Г. Д. Санжеев, А. А. Зимин, В. Т. Пашуто, Н. И. Павленко считали: В. В. Мавродин не учитывает, что «народность должна характеризоваться элементами той же самой общности, которая определяет нацию» [5. С. 137–138]. Посыл очевиден: нельзя разбивать характерные признаки древнерусской, великорусской народностей

и русской нации, как это сделал В. В. Мавродин. Возможно, учитывалось, что тем самым под сомнение ставится континуитет русского этноса. Все выступавшие подчеркивали преждевременность признания древнерусской народности сформировавшейся целостной общностью. В. Т. Пашуто выступил против тезиса о развитии великорусской народности и языка в результате распада древнерусской народности. По его мнению, «развитие русского языка и русского народа... продолжалось непрерывно со времени Киевской Руси, поэтому нельзя противопоставлять древнерусскую народность великорусской народности. Великорусская народность представляет определенный этап развития древнерусской народности» [5. С. 138].

Неприятие вызвала и точка зрения докладчика, что нация сложилась к XVII в. на основе национального рынка. Н. В. Устюгов и Н. И. Павленко указали на неверную постановку вопроса, подчеркнув, что процесс складывания всероссийского рынка в XVII в. только начался и растянулся на столетия. Н. В. Устюгов упрекнул В. В. Мавродина в выпячивании исключительно экономических факторов и забвении духовных.

В вопросе о среднерусских диалектах как основы русского национального языка на сторону В. В. Мавродина встали М. Н. Тихомиров и известный советский лингвист В. Н. Смирнов. Последний утверждал, что в создании языка русской народности «ведущую роль сыграли говоры владимиро-суздальские» [5. С. 139]. Лингвист П. С. Кузнецов указывал на сложносоставной процесс развития московского диалекта, вобравшего в себя черты северных, среднерусских и южных диалектов.

Специально обсуждалась проблема курско-орловского диалекта. По мнению лингвиста Г. Д. Санжеева, В. Н. Сидорова и ряда других участников, под ним необходимо понимать вообще южнорусские диалекты, а не только говоры Курска и Орла.

Подводя итоги заседанию, В. В. Мавродин согласился пересмотреть свое видение степени сплоченности древнерусской народности, но категорически отверг мнение о сохранении народности после распада Киевской Руси [5. С. 139]. Итак, схема развития русской нации, нарисованная им, не нашла серьезной поддержки. Вероятно, причинами были не только ее концептуальные слабости, но и конкуренция со стороны московских историков, не желавших уступать лидерство в сверхактуальной проблематике. Именно тогда начинает стремительно выдвигаться Б. А. Рыбаков. На совещании, посвященном этногенетическим исследованиям, 1 ноября 1951 г. он выступил с докладом «Об образовании киево-русского народа» [18. С. 42]; впрочем, при публикации неуклюжее название было скорректировано [11. С. 15-20].

19 июня 1952 г. на Ученом совете Института истории материальной культуры прозвучал доклад Б. А. Рыбакова «Проблема образования древнерусской народности в свете трудов товарища И. В. Сталина». Очевидно, что работа была написана с учетом дискуссии по докладу В. В. Мавродина: в частности, докладчик в самом начале отметил, что между «народностью» и «нацией» есть известное сходство, хотя нация и устойчивее [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 73.].

Б. А. Рыбаков подчеркивал, что уже венецы представляли собой вполне оформившееся единство. С ними связана черняховская культура II–V вв. Более того, докладчик прямо указывал, что венецы были объединены в племенной союз, носившей общее имя «поляне» [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 77, 83]. Так что уже тогда можно было наблюдать процесс вызревания древнерусской народности, но завершиться процессу мешало беспокойное время. Большое внимание докладчик уделил локализации территории Руси в узком смысле [7]*, разместив ее от Киева до Курска. Здесь должно было находиться ядро древнерусской народности. Появление Курска (а не простое указание Киевской, Черниговской и Переяславской земель как региона локализации), видимо, не случайно и связано с поиском курско-орловского диалекта.

Рыбаков брал за основу схему Сталина, указывавшего, что родовые языки перешли в племенные, затем в народные, а от народных – в национальные. Следовательно, этногенетическое развитие русской нации проходило по линии род–племя–народность–нация. Для насыщения схемы конкретным материалом историк, учитывая скудность имеющихся сведений, применил ретроспективный анализ. Он подчеркивал, что древнерусская народность, несомненно, уже существовала в X–XI вв., а окончательно сформировалась в IX в., что совпадало с появлением государства.

* В древнерусской традиции территория Руси выделялась в широком смысле (земли, входившие в Древнерусское государство) и в узком (локализуется в Поднепровье). См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Основой древнерусских племен он считал племя «рос», входившее в антский союз, и концентрировавшееся вокруг р. Рось. На смену племени приходит русский племенной союз, включавший антские племена руссов и северян, и существовавший в VI–VII вв. «Русский племенной союз был длительным и прочным образованием, создавшим свою общую с незначительными оттенками культуру на пространстве от Киева до Воронежа, выполнявшим важную функцию обороны от кочевников и не менее важную функцию первичного собрания восточнославянских племен» [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 93]. Наконец, племенной союз в VI–VII вв. на территории от Киева до Курска начинает эволюционировать в сторону народности*. Рыбаков подчеркивал, что указанный ареал распространения русского племенного союза совпадает с локализацией курско-орловского и киевско-полтавского диалектов [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 94–95]. Отвечая на вопросы слушателей, он уточнил ряд положений своего доклада, в частности, связал распространение курско-орловского диалекта с ареалом височных колец [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 6].

Лингвист и историк А. И. Попов поддержал идею Б. А. Рыбакова о связи между названием реки Рось и племенным наименованием «русь» [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 14], хотя и не принял связки анты–венеды. Киевский археолог М. К. Каргер признал ход рассуждений докладчика правильным [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 19]. Горячую поддержку положения Рыбакова нашли у лингвиста И. Н. Гозалишвили. А вот лингвист Р. И. Аванесов очень осторожно признал гипотетическую возможность трансформации «рос» в «рус» [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 25]. Более того, он предостерег от увлечений поиском курско-орловского диалекта: «Я должен сказать, что тут с Вашими соображениями, пожалуй, согласиться трудно, но они выходят за пределы Вашей специальности и тех возможностей, которые в Вашем материале есть» [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 29]. Он подчеркнул, что тогда еще рано было говорить о предпосылках появления русского и украинского языков, о чем пришлось бы говорить в случае обнаружения курско-орловского и киевско-полтавского диалектов в глубокой древности.

Отвечая Р. И. Аванесову, Б. А. Рыбаков заявил, что его не правильно поняли и, говоря о диалектах, он имел в виду следующее: «Моя мысль заключается в том, что богатое историческое прошлое этой территории обусловило богатство языка, и в дальнейшем, когда древнерусская народность распалась на части, когда в каждой из этих частей оказалась какая-то доля этой древнерусской земли, именно эта доля древнерусской земли и повлияла на создание языка» [1. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 194. Л. 33]. Таким образом, выступавший переместил проблему с поиска собственно диалектов на изучение их предыстории.

Несмотря на ряд замечаний, видно, что предложенный доклад был встречен хорошо. Б. А. Рыбаков грамотно расставил акценты, тесно переплетая интересные наблюдения, выведенные из фактического материала, гипотезы и аксиоматические идеи И. В. Сталина.

Через некоторое время доклад был опубликован в виде статьи в журнале «Вопросы истории» [12]. Наиболее развернуто описанные положения были представлены в статье 1953 г., опубликованной в «Советской археологии». Символично, что номер открывало сообщение о смерти вождя. В публикации в более развернутом виде, с учетом новых идей и находок, обосновывались те же положения. Теперь Б. А. Рыбаков доказывал существование «курско-орловского сектора славянства», рассматривая его как восточную часть Русской земли V–VII вв. [10].

Смерть Сталина избавила археологов и лингвистов от необходимости обосновывать его «гениальные» откровения. Но, любопытно отметить, что в дальнейшем положения, прописанные Б. А. Рыбаковым на основе сталинской этногенетической теории, практически полностью вошли в фундаментальные «Очерки истории СССР» [8], представлявшие собой ориентир для советской исторической науки. Таким образом, это еще один пример того, что концепции, рожденные в годы идеологических кампаний и дискуссий, прочно вошли в советский исторический нарратив.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российской академии наук.
2. Алтатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. 2-е изд. М., 2004.
3. Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // НЛЮ. 2009. № 97.
4. Илизаров Б. С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012.
5. Л. В. В институте истории Академии наук СССР // Вопр. истории. 1951. № 5.

* В ответах на вопросы Б. А. Рыбаков уточнил, что народность формируется не из этого союза, а вокруг него. Племена присоединялись либо добровольно, либо силой [Л. 11].

6. Мавродин В. В. Основные этапы этнического развития русского народа // *Вопр. истории*. 1950. № 4.
7. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
8. Очерки истории СССР: кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958.
9. Рабинович М. Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005.
10. Рыбаков Б. А. Древние русы (к вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина) // *Советская археология*. 1953. Вып. XVII.
11. Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности // Тез. докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951.
12. Рыбаков Б. А. Проблемы образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // *Вопр. истории*. 1952. № 9.
13. Сталин И. В. Ответ товарищам: товарищу Санжееву // Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 16.
14. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М., 2006.
15. Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии // Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001.
16. Шнирельман В. А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 3.
17. Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. Москва; Иерусалим, 2012.
18. Юсова Н. Н. Внедрение концепции древнерусской народности в научный обиход: вклад Л. В. Черепнина // *Історіографічні дослідження в Україні*. Київ, 2007. Вип. 17.
19. Юсова Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006.
20. Юсова Н. Н., Юсов С. Л. Первые дискуссии в академической среде по проблеме древнерусской народности (начало 1950-х гг.) // *Вестн. Удм. Ун-та. Сер. 5: История и филология*. 2010. Вып. 3.
21. Polock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006.

Поступила в редакцию 12.01.15

V.V. Tikhonov

LOOKING FOR KURSK-ORLOVSKY DIALECT OF OLD RUSSIAN NATIONALITY: DISCUSSION OF 1950 YEAR ON LINGUISTICS AND STUDY OF OLD-RUSSIAN NATIONALITY IN THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE

The article is devoted to the analysis of influence of the Linguistic discussion of 1950 and Stalin's installations formulated during this discussion on the formation of the concept «old-Russian nationality» in Soviet historiography of the era of «late Stalinism». The work is based on both published historiographical sources and involved materials of the Institute of Archaeology of USSR of Academy of Sciences which are stored in the archive of the Russian Academy of Sciences. Participation in discussions of well-known archaeologists and historians is interpreted through the prism of the evolution of their status role in the scientific and historical community. The article shows the special role of B.A. Rybakov in attempts to associate Stalin's ideas about the Kursk-Orel dialect as the basis of the Russian language, with the Genesis of old-Russian nationality. The author analyzes the discussion of his report of 1952 on the ethnic processes in the Western territory of the USSR in the early middle ages. Despite the death of Stalin, many of the provisions set forth under the influence of his statements became a part of the Soviet concept of old-Russian nationality.

Keywords: Soviet historical science, old-Russian nationality, Stalinism, linguistic discussion.

Тихонов Виталий Витальевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН
117036, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Tikhonov V.V.,
Candidate of History, Senior researcher
Institute of Russian History
117036, Russia, Moscow, Dmitriya Ulyanova st., 19
E-mail: tihonovvitaliy@list.ru